

СТО БРАТЬЕВ

ДОНАЛЬД
АНТРИМ

Перевод
Сергея Карпова

18+

МИО

МИФ Проза

Дональд Антрим

Сто братьев

«Манн, Иванов и Фербер»

1997

УДК 82-311.2
ББК 84(7Сое)6-449

Антрим Д.

Сто братьев / Д. Антрим — «Манн, Иванов и Фербер»,
1997 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214033-6

Ночное воссоединение 99 братьев в доме их умершего отца (сотый же брат сбежал с деньгами и некой Джейн). Огромная полуразрушенная библиотека семейного особняка, из окон которой видны костры, разведенные бездомными в заброшенной долине. Хаос одной ночи, в котором братья пытаются найти урну с прахом отца, соперничают между собой, предаются гедонизму и философским разговорам. Но ближе к рассвету становится ясно, что у каждого из них есть зловещая цель, и главный герой Даг – в центре надвигающейся катастрофы. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2
ББК 84(7Сое)6-449

ISBN 978-5-00-214033-6

© Антрим Д., 1997
© Манн, Иванов и Фербер, 1997

Содержание

Предисловие Джонатана Франзена	6
Сто братьев	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дональд Антрим Сто братьев

Original title:
The Hundred Brothers
by Donald Antrim

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

THE HUNDRED BROTHERS
© 1997, Donald Antrim

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Моему отцу
Гарри Томасу Антриму
и его брату
Роберту Элдриджу Антриму (1940–1992)*

Предисловие Джонатана Франзена

«Сто братьев», возможно, самый странный роман, когда-либо издававшийся американцем. Его автор Дональд Антрим, пожалуй, не похож на других живых писателей больше любых живых писателей. И все же «Сто братьев», как ни парадоксально, самый образцовый роман – примерно так же, как рассказчик романа, Даг, одновременно и самый уникальный из ста сыновей своего отца, и ярче всех выражает несчастья, желания и невроты остальных девяноста девяти. Роман говорит за всех нас как никто из нас.

В середине повествования Даг произносит то, на чем стоит весь роман: «Я люблю своих братьев и ненавижу их до печенок». Вся прелесть произведения в том, что Антрим создал рассказчика, который вызывает те же самые смешанные чувства, что и сам роман: Даг одновременно и неотразим, и невыносим. Гениальность же романа в том, что эти взаимоисключающие чувства вызывает архетипичный козел отпущения: эталонный страдалец, который раз за разом возникает на протяжении человеческой истории (заметнее всего – в лице Иисуса из Назарета) и становится объектом и любви, и смертоубийственного гнева, после чего его ритуально казнят, чтобы остальные люди, не столь отважные, продолжали жить, раздираемые противоречиями.

В современности роль эталонного страдальца досталась творцам. Нетворческие люди полагаются на творцов, ценят их за то, что они придают удобоваримую форму основным человеческим переживаниям. Но в то же время творцов ненавидят – иногда даже до смерти – за сомнительность их нравственного облика и за то, что они доносят до нас болезненные истины, о которых нетворческие люди стараются не задумываться. Творцы сводят с ума, и «Сто братьев» как раз превосходный пример произведения, что соблазняет своей красотой и силой, а потом раздражает юродством. Часто роман смешной, но у этого юмора всегда опасный привкус. Так, Даг, рассказывая о плане рассадки за столом, когда он и его девяносто восемь братьев собираются вместе в сцене, навевающей мысли о Тайной вечере, отмечает, что его собственное имя, в отличие от остальных, написано «ярко-оранжевым» и что он «так и не понял почему». Оранжевый цвет напоминает как огонь, который несколько братьев разжигают в камине на первых страницах, так и пламя, что озаряет примитивный ритуал в финале произведения; этот цвет помечает Дага как загнанного зверя. В этом мнимом «непонимании причины» и заключен весь юмор его положения, которое он одновременно осознает и отказывается принимать: он – любимый и ненавистный козел отпущения для братьев. Не потому ли надпись сделана другим цветом, что Даг – преданный генеалог своей семьи, бывший звездный квотербек семейной команды, надежный слушатель, к которому другие обращаются с вопросами о Боге; брат, что поддерживает родных с физическими и психическими травмами, забывая о самом себе? Или же потому (как постепенно и комично раскрывается в процессе повествования), что Даг – хронический лжец, который беспардонно ворует у братьев лекарства и деньги, склонен напииваться и вести себя неприлично, не скрывает причудливого фетиша братской обуви, а однажды, играя квотербеком в важном матче, упустил мяч в собственной зачетной зоне? Или же (вероятнее всего) потому, что Даг – творческий человек, чужой в семье, но в то же время находящийся в самом ее сердце; брат, взявший на себя обязанность ежегодно играть роль Короля кукурузы и исполнять «ночной танец смерти и жизни, растущей из смерти»?

«Сто братьев» говорят за всех нас потому, что все мы неизбежно чувствуем себя особым центром личных мирков. Это и смешной роман, и грустный, потому что в нем наш совершенно естественный солипсизм показывается одновременно смехотворным и трагическим, обнажая наши узы любви и родства с мирками, в которых мы уже вовсе не обязательно находимся в центре.

На уровне исполнения это не книга, а чудо; и ей приходится быть чудом, ведь без непревзойденного авторского владения композицией, словом и деталями рухнет под весом собствен-

ного нелепого допущения. В первом же предложении Антрим благодаря волшебству запятых, точек с запятыми, дефисов и скобок умудряется назвать и описать всех девяносто девятерых братьев, которые собрались выпить и поужинать, а также их скверное маскулинное поведение и нежелание взять себя в руки и достойно похоронить прах отца. (В этом же предложении находится первое и последнее упоминание женщины – Джейн, виновной в исчезновении сотого брата; как будто по логике романа достаточно только назвать того, кто стал для брата второй половиной, чтобы исключить его самого из повествования.) Все действие разворачивается в огромной библиотеке фамильного особняка, чьи окна выходят на костры бездомных в «забытой долине» за стенами поместья, и ограничено одним-единственным вечером, тут и там отвлекаясь на случаи семейной истории межбратских насилия и жестокости. (Особенно красиво звучит воспоминание Дага о детской игре «Убей человека с мячом», воплощающей в себе всю любовь/ненависть братьев друг к другу и предвосхищающей финальный ритуал с козлом отпущения.) События этого единственного вечера то кажутся фарсом, то раздражают и Дага, и читателя, но все они очень яркие и конкретные. В совокупности события романа производят впечатление сложного танца, и Даг, самопровозглашенный Король кукурузы, ведет его, увлекая за собой остальных братьев в своем путешествии по библиотеке.

Еще этот роман – достижение во включениях и исключениях. Из него исключены женщины (самое главное – мать/матери братьев), дети, любые уточнения места или года действия и, собственно, реалистичное объяснение, почему братьев так много, как они все помещаются в одном доме и чем живут за его пределами. Однако в этих фантастических рамках можно найти на удивление всеобъемлющее перечисление того, что мужчины делают и чувствуют среди других мужчин. Футбол, драки, бои едой, шахматы, издевательства, игры, охота, выпивка, порнография, розыгрыши, филантропия, инструменты («Даг, ты когда вернешь мою шлифмашинку?» – бросает походя брат Ангус), комплексы среднего возраста из-за недержания мочи, размера пениса и лишнего веса – здесь есть всё. А еще автор уложил в книгу, несмотря на ее лаконичность, всю генеалогию человеческих знаний и опыта – от доисторических времен до запоздалого настоящего, когда цивилизация зависла на краю гибели. Как обширная коллекция книг и периодики на любую тему и из любой эпохи хранится в единственной протекающей и полузаброшенной библиотеке, так в единственном героическом и сбоящем сознании рассказчика собраны все человеческие архетипы («первобытные грани “я”», по словам Дага).

Когда братья рассаживаются за столом, один из них предлагает отремонтировать библиотеку: «Как некоторым из вас известно, протекающий потолок прямо над “Философией сознания” недавно прорвался и вода уничтожила от семидесяти до восьмидесяти процентов “Теории познания”». Однако братья находятся словно в одном из тех кошмаров, где никто не в силах пошевелиться и что-либо предпринять; они способны только наблюдать, как библиотека приходит в упадок. Мигают люстры, внутрь заливает дождь, всюду порхают летучие мыши, ломается мебель, в дорогие ковры втаптываются объедки. Весь роман омрачен прозрением – или страхом, или предчувствием, – что постмодернизм ведет нас вовсе не вперед, а назад, в первобытное: что наш огромный и с трудом обретенный запас знаний в итоге окажется бесполезным и будет утрачен. Даг намекает на эту утрату на первых же страницах книги, когда описывает порнографические иллюстрации восемнадцатого века, вызвавшие глубокий интерес некоторых женатых братьев. «Широко известно, что во времена Просвещения гигиена была не в чести, – отмечает он. – В этих книжных гравюрах, где аристократы со слезящимися глазками по-собачьи занимаются любовью, не снимая шляп, кроется сифилисное вырождение».

Во второй половине романа намеки на упадок уже гремят как набат; кульминацией становится блестящая сцена, где среди трудов «либеральных теологов, антикваров и библиографов» сам Даг в экстазе мочится «на пару литературных шедевров». В отчаянии, пришедшем на смену экстазу, гибель библиотеки и события, происходящие с самим Дагом, сливаются прак-

тически в единое целое. Человек становится миром, мир становится человеком; солипсизм доведен до логичного завершения; повествование наконец сходит с ума.

Безумие «Ста братьев» проистекает из готовности книги принять и даже превознести тот мрачный факт, что жизнь человека по своей сути есть гонка навстречу упадку и смерти. Этот роман – дионисийский сон, где от разъедающего хаоса смертности не ускользнуть ничему, даже здравому смыслу; зато форма романа отважно аполлоническая. Благодаря писательскому мастерству, использованию архетипов и ритуалов одиночество, на которое обрекает солипсизм, переосмысливается как универсальное и общечеловеческое. То, что Ник Каррауэй говорит о своем друге Джее Гэтсби, можно сказать и о козле отпущения Даге: «...Он оправдал себя под конец»¹. А мы, братья и сестры Дага, пробуждаемся от жуткого сна с обновленными силами и способностью, как замечает Даг с иронией и одновременно с надеждой, «развиваться и процветать».

¹ Пер. Е. Калашниковой. *Прим. пер.*

Сто братьев

Мои братья Роб, Боб, Том, Пол, Ральф, Фил, Ноа, Уильям, Ник, Деннис, Кристофер, Фрэнк, Саймон, Сол, Джим, Генри, Шеймус, Ричард, Джереми, Уолтер, Джонатан, Джеймс, Артур, Рекс, Бертрам, Вон, Дэниэл, Рассел и Ангус, тройняшки Герберт, Патрик и Джеффри, близнецы Майкл и Абрахам, Лоуренс и Питер, Уинстон и Чарльз, Скотт и Сэмюэл, а также Эрик, Донован, Роджер, Лестер, Ларри, Клинтон, Дрейк, Грегори, Леон, Кевин и Джек, родившиеся в один и тот же день, двадцать третьего мая, хотя и в разные часы разных лет; и язвительный графоман Серджио, чьи разгромные мнения регулярно появляются на первых страницах наиболее консервативных ежемесячников, не говоря уже о жидкокристаллических экранах, что сияют по ночам на светящихся рабочих местах бесчисленных осоловелых подписчиков новостных лент (среди них наш брат известен под ласковым электронным прозвищем Сердит-жо); и Альберт, слепой; и Зигфрид, работающий по стали скульптор; и Антон с клинической депрессией, шизофреник Ирв, бывший наркоман Клейтон; и тропический ботаник Максвелл, который после возвращения из джунглей слегка не в себе; и Джейсон, Джошуа и Джеремайя, все смутно угрюмые – каждый в своем стиле «пропащего парня»; и Элай, что проводит одинокие бессонные вечера в башне, заполняя блокноты портретами братьев – отдельными эскизами для крупного полотна? – среди которых есть прокурор Чак; диарист Портер; защитник гражданских прав Эндрю; архитектор принципиально неосуществимых зданий Пирс; добрый доктор медицины Барри; режиссер документальных фильмов Филдинг; шпион, известный связями с Госдепом, Спенсер; психотерапевт «нового тысячелетия» Фостер; часовщик Аарон; Рэймонд, который пилотирует собственный самолет; и градостроитель Джордж, который – вы вспомните, если читали газеты, – не так давно отличился новаторской программой по воскрешению запущенного городского центра (он предложил «анимированную интерактивную диораму на тему современных культурных и экономических народных обычаев»), но потряс и изумил всех, абсолютно всех, исчезновением на пару с девушкой по имени Джейн и полной сумкой непомеченных купюр из муниципальных фондов; и все молодые отцы: Сет, Род, Видал, Беннет, Датч, Брайс, Аллан, Клей, Винсент, Густав и Джо; и Хайрам, старший; Закари, великан; Джейкоб, полимат; Вирджил с его навязчивым шепотом; Милтон, медиум, чьими устами говорят духи из других времен; и закоренелые распутники Стивен, Дензил, Форрест, Топпер, Темпл, Льюис, Монго, Спунер и Фиш; и, конечно, наш прославленный «идеальный» брат Бенедикт, получивший медаль Академии наук за двадцатилетние исследования феромонов «языка секса» у одиннадцати типов общественных насекомых, – все мы (кроме Джорджа, о котором много слухов, слухи без конца и края: он сбежал из окрестностей, он прямо у нас под носом, он живет под новым именем, а то и не одним, у него новое лицо – все такое), все мои девяносто восемь, без Джорджа, братьев и я собрались в красной библиотеке и решили, что наконец-то пора уже забыть о прошлом, отбросить уныние, разделить легкую трапезу и найти, если хватит душевных сил, пропавшую урну с прахом старой сволочи.

День был мерзкий, цвета олова. На стенах красной библиотеки кишели тени и свет, отброшенные множеством тусклых ламп для чтения, что сияли нимбами над столами и освещали наши колени, пока мы шлепались на диваны и кресла под репродукциями английских картин на тему охоты и под головами животных – одиноких, африканских, глядящих из свободных прямоугольников стен среди деревянных шкафов, что забиты викторианскими собраниями сочинений и трудами неизвестных поэтов.

– Ненавижу эту комнату. Здесь разит смертью, – прошептал Вирджил, втиснутый со мной в двойное кресло. Вирджил часто чувствовал – или ему казалось, что чувствует, причем с самого детства, – страх и давление. Ни добрым словом, ни делом облегчить его жизнь было невозможно. Хотя мы и старались.

– Выше нос, – ответил я. Мимо нас в поисках мест прошаркала черед братьев. Библиотеку наполняли мужская энергия и тихие голоса, твердящие: «Эй, подвинься». Скоро останутся только стоячие места. Затхлый воздух залоснится от нашего запаха пота, лосьонов для бритья, влажных выдохов. Помоги нам боже. Вирджил уже сгорбился на нашей с ним общей подушке с видом взмокшего клаустрофоба – голова между коленями, слезящиеся глаза вперились в ковер.

– Почитай пока журнал, – предложил я. И вдруг в дальнем углу – грохот, вырывающий из размышлений звон разбившегося стекла: уронили лампу. Так всегда и бывает, когда мы набиваемся в красную библиотеку: кто-нибудь спотыкается о провод, или пятится прямиком на трехногий столик с вазой, или слишком грузно падает на кресло – и в результате с шумом гибнет очередной предмет искусства или семейной мебели; это тревожно, неизбежно и смешно. В сегодняшнем происшествии, судя по всему, виновен Макс, который, очевидно испуганный ударом опрокинутой лампы, громким треском разбитого фарфора, замер на миг и устоялся на зацепившийся за лодыжку шнур – черный провод, змеящийся по полу между разбросанными у его туфель блестяще-белыми осколками фарфора (маленький конический абажур освободился и отправился в полет, едва не сбив с соседнего столика другую лампу), – после чего медленно оглядел притихшую библиотеку и спросил, не обращаясь ни к кому конкретному:

– Это что, я?

Бедняга Максвелл. С самого возвращения в прошлом месяце из фармакологически-ботанической экспедиции по сбору образцов он вел себя заметно взбудораженно, неуклюже и рассеянно, как человек, страдающий либо от лихорадки, либо от жизненного кризиса. Видимо, в Коста-Рике произошло нечто странное, и теперь Макс сбивал и разбивал все подряд со скоростью один электрический прибор, декоративное блюдо, горшок с растением или скульптура каждые три дня.

– Как думаешь, что с ним? – едва слышно прошептал мне на ухо Вирджил.

Мы вместе наблюдали, как Макс нетвердо присаживается среди обломков лампы. Зигфрид и Стивен, в момент происшествия стоявшие поблизости, подошли к брату и теперь помогали собрать осколки, скрупулезно сгребая их в аккуратную кучку: шесть вытянутых рук, принадлежащих мужчинам среднего возраста, прочесывали и прощупывали ковер на предмет кусочков фарфора и неразличимых, прозрачных заноз от лампочки. Меня поразило, как растолстел Стивен. От одного взгляда на него потянуло на виски с содовой. Он собрал частицы в мягкую пригоршню и отправился к камину, где, несмотря на то что в помещении и так было довольно тепло, а с неуклонным появлением новых тел станет так удушающе жарко, оперся на ходунки старик Хайрам, чтобы исполнить свой традиционный патриархальный ритуал: хамски руководить разведением очередного его исполинского бушующего огня.

– Посильнее комкай! – орал Хайрам на Донована, который сминал страницы воскресной газеты и метал их на решетку.

Хайрам – девяностотрехлетний старик, повсеместно презираемый за его склонность к уничижительной жестокости.

– Дымоход проверь! – приказал он Доновану так громко, что слышала вся семья. Тут быстро подошел Стивен с опущенной головой и вытянутыми перед собой руками, словно поднося нечто неприятное, что по прибытии и закинул в краснокирпичный камин – россыпь порошка и мусора, затуманившую очаг и воздух вокруг мелкозернистым смогом.

Хайрам тут же схватился за ручки ходунков и с лязгом отпрянул, спасаясь от пыли.

– О, мои туфли, вы только посмотрите на мои туфли! – вопил он, пока в его сторону в руках Максвелла отправлялась новая партия стекла, пыли и заодно нескольких больших и острых, как нож, фрагментов фарфора. Мы все с ужасом наблюдали, как Макс лавирует между мебелью и вытянутыми ногами откинувшихся на спинки кресел мужчин. Все норовило

влезть на дорогу Макса, и казалось, что с каждым нервным, заплетающимся шагом он ближе к падению. Макс перескочил внезапно выросшую на пути оттоманку. То и дело запинался об уголки ковров. Ковры были древними и ценными, протертыми практически до исчезновения, но черт бы с ними, больше беспокоило, что Макс натворит что-нибудь непоправимое зазубренным фарфором, которым угрожающе размахивал во все стороны. «Эй! Эй!» – заорал Хайрам, когда Макс, преодолев широкий персидский ковер, вышел на паркет, окончательно потерял равновесие и сорвался на бег/скольжение/шатание по половицам по направлению к нему – Хайраму, сжимавшему ходунки кулаками, что пошли от возраста бурыми пятнами. Макс замахал руками, и уж казалось, что он врежется в нашего старшего брата и напрочь отсечет ему голову. Но Хайрам съехал за полукруглыми ходунками, как за металлической баррикадой высотой по пояс. Опустил голову между согнутыми локтями, выставил ходунки вперед и приготовился к столкновению – в былые времена он мастерски играл в футбол! И теперь продемонстрировал достойную восхищения форму, когда принял первую атаку на ходунки, а от основной силы грядущего удара, который должен был развалить его на две половинки, отпрянул в боковом маневре «ложный выпад и парирование», столь грациозном, что его хотелось посмотреть на замедленном повторе.

Макс вильнул в сторону. Хайрам потряс кулаком, но не в гневе, а, как выяснилось, от боли. Он повредил запястье – в преклонные годы так просто заработать травму. Хайрам схватился за хрупкую руку и весь над ней сложился – машинально, из-за инстинкта самосохранения, как человек, попавший себе по пальцу молотком. Хайрам потряс ладонью и скривился. Естественно, к нему со своего места тут же подскочил Барри – заботливый врач и преданный брат. Он всех нас осматривает бесплатно, а также всегда выписывает по телефону тетрациклин или новую дозу антидепрессантов. Если нужен профильный специалист, он с радостью выдает нам направления.

Барри погреб запястье Хайрама, осторожно помассировал ладонь и костлявое предплечье. Повращал сустав. «А так? Так? А вот здесь? Нормально? Нет? Болит? Прости». И так далее, пока старик строил гримасы.

Тем временем Макс продолжал выделывать коленца. Осколки фарфора из его рук никуда не делись. Да что он вытворяет? Отбивается от невидимого врага? Никто не смел к нему подойти. Все шло к серьезной беде.

– Вот бы и мне того, что он курил, – прошептал Вирджил, когда вращающийся ботаник метнулся обратно на персидский ковер, в гущу близнецов. Тут я не мог не испытать небольшой прилив радости. На всех наших встречах близнецы неизменно сбивались в кучку и отказывались якшаться с нами, предпочитая свой маленький клуб, – а это высокомерно. И вот внезапно ворвался Макс, берсерк в их рядах, и рассеял три из четырех парочек.словно в сложном танце, Макс вооруженным и опасным дервишем пронесся между Лоренсом с Питером слева и Скоттом с Сэмюэлом справа; близнецы тут же ловко отступили, но за их шуточной паникой последовал пируэт Макса прямо на Уинстона и Чарльза, которые повалились от него на кресла, вскинув руки перед одинаковыми испуганными лицами с криком: «Отстань! Отстань!»

Тогда-то я и заметил, что на Максе один из моих любимых итальянских галстуков. Чего еще ждать от семьи. Не успеешь отвернуться, как кто-нибудь уже копается в твоём гардеробе.

– Мой галстук! – крикнул я с другого конца библиотеки. Галстук мотался и трепетал, как на ветру.

Но настоящего сквозняка не было, лишь страх и сумятица, когда мужчины всех возрастов поспешно вскакивали с мест и жались неровными рядами к книжным шкафам и эркерам между шкафами – кольцо братьев, наблюдавших за ним с той же жалостью и отстраненным испугом, с каким взирали скорбно нависавшие над нами головы лосей и гну.

К этому моменту библиотека набилась почти до отказа. Последние опоздавшие стекались из самых удаленных крыльев здания по длинным коридорам и лестницам. Один за дру-

гим явились все, кроме Джорджа. Среди последних прибыл Милтон. Я увидел, как он входит в главную дверь.

Или не входит. Проем закупорили Клинтон, Род, Беннет, Кристофер, Леон и многие-многие другие, замороженные драмой, разыгрывающейся в центре зала: брат, беспечно и опасно атакующий пустоту осколками, крепко зажатыми в дрожащих руках.

– Вряд ли он тебя слышит, – сказал вечно шепчущий Вирджил. – Сам на него посмотри. Это все весьма печально. Ему нужна помощь.

Может, кому-нибудь юному и гибкому стоило выйти вперед, рискнуть здоровьем, показать себя истинным гладиатором и повалить Макса. Высоко поднять голову, низко метнуться, опрокинуть его на ковер. Бац – и готово.

– Где Закари, когда он нужен? – тихо спросил я Вирджила.

– В жопу Закари.

– Да, точно. В жопу его.

– Ты же меня понимаешь?

– Да. Конечно.

Но *что* я должен был понимать? И почему я согласился с Вирджилом? И *что* это, кстати, за низкий, жужжащий, гудящий шум от камина?

Сказать по правде, мне Зак очень нравился. Конечно, в детстве он порой злоупотреблял своим телосложением против братьев поменьше ростом. Здесь можно вспомнить знаменитый гадкий случай, когда Закари – еще *до* того, как ему исполнилось семнадцать, вымахавший до внушительных двух метров и весивший сто двадцать килограммов без единого грамма жира, все еще продолжавший расти как вверх, так и вширь, – решил, что будет весело прижать Вирджила коленом к полу, энергично растирать его голый живот щеткой для волос и кричать восторженным и глубоким от гормонов голосом: «Краснопузый! Краснопузый!»

Если так подумать, хватало и других похожих инцидентов.

– Легко на помине, – простонал Вирджил.

И в самом деле – вот он, черноволосый мучитель, собственной персоной. Пробивается сквозь толпу с противоположного конца библиотеки. Вокруг, как поплавки, покачиваются головы не столь высокорослых братьев, торопятся убраться с его пути. Братья расступались перед Закари. Боже, ну и ручищи.

Заметит ли Зак меня с Вирджилом на крошечном двойном кресле? Или же – и остается только надеяться! – проглядит нас и двинет сразу к Макс, которого действительно ненавидит?

Ни то ни другое. Мальчишки есть мальчишки, даже когда они уже взрослые мужики с большим сердцем. Зрелище, разворачивавшееся в центре библиотеки, захватило всех, не исключая и Закари. Братья подбадривали Макса выкриками.

– Гуляй как в последний раз, Максвелл! – крикнул кто-то – пророчески? – когда Макс стукнулся о кресло и чуть не упал.

– Наши братья – свиньи, – вынес вердикт Вирджил.

Ну, и да и нет. «Свиньи» – это резковато. Очевидно, Вирджил впадал в очередную хандру. Не в моих привычках придирается к чужим несчастьям; и все же стоит обозначить сразу – в начале нашего совместного вечера, – что в этой семье, как и в любой другой, некоторые настроения и состояния становятся до того преобладающими и хроническими, что уже воспринимаются не как отдельные события, а скорее как привычные личностные черты, общие атрибуты – те грани характера, которые как раз ввиду своего укрепления свидетельствуют о принадлежности к семейному кругу. Коллективный характер конкретно этой семьи можно со всеми основаниями назвать иступленным, романтическим, летаргическим, саркастическим, пугливым, разочарованным, хмельным, воинственным, распутным, бессердечным, волчьим, погранично нарциссическим, нервно уколобым и более-менее обуреваемым отчаянием, хотя изредка, в нетрезвом состоянии, – радостным. Из-за этого бывают проблемы. То, что мы

терпимо относимся к депрессии, еще не облегчает боль одинокого страдальца среди буйного празднования. В общении с Вирджилом я всегда исхожу из худшего.

– Не вынуждай меня просить Барри, чтобы он сделал тебе укол, – заявил я, и Вирджил опустил лицо в ладони и застонал. И вновь я выбираю не тот подход.

– Извини, я не хотел.

– Хотел-хотел. Ты только притворяешься моим союзником, а сам ничем не лучше остальных.

– Никто не будет делать тебе укол.

– Вот зачем вообще было об этом говорить? Ты же знаешь, как я на такое реагирую.

– Я же извинился. Могу повторить. Извини. Это было глупо и нечутко. Мне не стоило. Вот... – Я мягко положил руку ему на плечи и заботливо, по-братски приобнял. – ...Все хорошо, все хорошо. Успокойся. Все будет хорошо.

– Я больше не хочу быть таким, Даг. Не хочу быть таким, как раньше.

– И не будешь.

– Обещаешь?

– Да.

Он ссутулился, пряча лицо в ладонях. Затрясся, словно в рыданиях.

– Я хочу умереть, – сказал он.

– Мы все умрем, Вирджил. Ни к чему мечтать о смерти.

И тут, словно услышав меня, Макс упал на пол. Причем красиво, как в балете: его тело изогнулось в падении ничком, руки вытянуты над головой, в ладонях все еще зажаты осколки семейной лампы, которую он разбил в начале нашего собрания в этом большом красном зале, и вознесенные осколки пылают, отражая сияние созвездий ламп для чтения на столах: наш уютный домашний Млечный Путь из сорокаваттных лампочек, освещающих потертую кожаную мебель, иссохшие головы животных, и неисчислимые пыльные нечитанные книги, и наши лица – все наши лица, залитые янтарным светом, не сводящие глаз с того, как долговязый Максвелл шлепнулся животом на поеденный молью ковер, который сбился в складки, поймавшие и стреножившие ботаника.

– Бог среди нас! – крикнул в падении он.

И – бум.

– Ай! – машинально воскликнул кто-то рядом, когда Макс приземлился. Удар сопровождался звоном фарфора, разлетевшегося по полу. Фарфор рассыпался на все более мелкие осколки. Скользил под креслами.

– Господи, – произнес голос.

– Врача! – воскликнул другой.

А из-за толпы, перегородившей дверь, донесся высокий голос дорогого доброго Милтона, нашего медиума, который спрашивал всех подряд: «Что случилось?»

Пробка в дверях рассосалась. В комнату вошли полдюжину человек. За ними последовали другие зеваки. Люди рассаживались или стояли, глаза на Макса.

– Нервный срыв, – сказал Милтону Зигфрид. В его мозолистых руках тоже были останки разбитой лампы. Теперь скульптор косился на стекло с тревогой, словно оно опасно, может вдруг причинить ему вред. Он пояснил Милтону: – Макс споткнулся о провод и разбил лампу – и это еще ладно, – а мы со Стивеном помогали убирать. И тут ни с того ни с сего Макс стал гоняться за людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.